

ЛИЗ МИСТРИ

Страх. Смерть. Разрушенная семья

ОБЕЩАНИЕ

НА

СУЩЕСТВУЮТ КЛЯТВЫ,
О КОТОРЫХ
НЕ СЛЕДУЕТ ЗАБЫВАТЬ

КРОВИ

Высокое напряжение

Лиз Мистри

Обещание на крови

«Азбука»

2024

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Мистри Л.

Обещание на крови / Л. Мистри — «Азбука», 2024 — (Высокое напряжение)

ISBN 978-5-389-34585-0

Имоджен Кларк просыпается рано утром в свой шестнадцатый день рождения и вместо привычного подарка от родителей обнаруживает за обеденным столом их обезглавленные тела. А еще – послание от убийцы. К делу присоединяются Джеззи и Куини, недавно разжалованные в младших детективов и отчаянно жаждущие вернуться к более важным делам, чем простое наблюдение за подозреваемыми. Но, кажется, Джеззи связана с этим преступлением больше, чем кто-либо мог подумать. В конце концов, вряд ли совпадение, что они с Имоджен родились в один день. Ниточки расследования ведут в сторону таинственного сталкера, охотящегося за Джеззи вот уже много лет. Но кто он такой, как связан с ее прошлым и что побуждает его убивать таким страшным, жестоким образом? Чтобы отыскать ответы на эти вопросы, Джеззи придется вытащить на свет темные тайны, которые были похоронены очень давно, иначе она рискует сама стать следующей жертвой.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34585-0

© Мистри Л., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

Пролог	8
Инвернесс	8
День 1	11
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мистри Л.

Обещание на крови. роман

THE BLOOD PROMISE

This edition published by arrangement with Lorella Belli Literary Agency Ltd. and Synopsis
Literary Agency

© Liz Mistry, 2024

© Миро А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

Л И З М И С Т Р И

ОБЕЩАНИЕ НА КРОВИ

Данная книга является вымыслом. Все имена, персонажи и события придуманы автором. Любые совпадения с ныне живущими или почившими людьми случайны.

Моим маме и папе, которые, хотя так и не увидят моих опубликованных книг, наверняка бы мной гордились.

Моей племяннице Джайне, чей путь преодоления потерь стал моим вдохновением.

А также организации Guide Dogs UK и всем, кто их поддерживает.

Пролог

Инвернесс

14 декабря. Пятнадцать лет назад

Констебль вышиб дверь; зловоние – насыщенное, густое, с мясным душком, словно освеженную оленью тушу подвесили на крюк вялиться на солнце, – не предвещало ничего хорошего. Но парнишке было всего восемнадцать, это был его первый день на службе, он был еще наивен и поэтому оказался настолько не готов к мерзости, что та едва его не сломила. Такова жизнь.

Его мысли были заняты сержантом, который забалтывал соседей во дворе, и скорым концом смены, после которой он наконец поедет домой, примет душ и расслабится в компании своей девушки. Весь нескончаемый рабочий день он слушал, как Отрыжка Флетчер рыгает чесноком. Его все достало.

– Чего ждете, леди? Идите сюда и посмотрите, что тут делается! – Сержант Флетчер заигрывал с толпой домохозяек, жадно ловивших каждое его слово в надежде хоть немного развеяться в этот холодный пасмурный зимний день.

Прикрыв рот одной рукой, второй констебль нащупывал выключатель и, найдя его там, где и планировал – прямиком за дверью комнаты, – позволил себе самодовольно ухмыльнуться. Он пощелкал клавишей, но ничего не изменилось, и ухмылка сползла с его лица. Он с опаской просунул голову в дверь утопавшей во тьме комнаты. Вонь словно окутала и запечатала ноздри, схватила его за горло и втащила внутрь, как втаскивает несчастного в свой живот голодный инопланетянин. Снаружи доносился голос Отрыжки – он шутил и смешил соседей. Констебль достал телефон и включил фонарик.

– Знаете, сержант Флетчер, она же алкашка! – донесся до констебля полный осуждения голос дамы лет пятидесяти.

– Дом-то в каком дерьмовом состоянии – пардон за мой французский. А ее детеныши? Слушайте, э... Они ж вечно замызганные, и мне кажется, она их особо не кормит.

– Ты недалеко от истины, Марго. Сюда столько мужиков захаживает... Джина Костелло, что живет дальше по улице, по сравнению с *этой* просто монашка.

Констебль плюнул на их причитания и стал подниматься к лестничной площадке-вестибюлю. Такие часто можно увидеть в типовых муниципальных домах. Благодаря им квартира получается двухэтажной. Поднявшись, он подергал дверную ручку. Та поддалась. Сердце заколотилось. Со стороны он казался смельчаком, но на самом деле ему было не по себе. *Вдруг тут случилось что-то ужасное? Да щас! Что ужасного может случиться в Уэстхилле под Инвернессом? Вообще ни хрена!* Фонарик на телефоне рождал жутковатые тени, ползающие по липкому линолеуму ступеней. Констебль помотал головой, словно стряхивал дурные предчувствия, и наконец поднялся на лестничную площадку. Осмотрел деревянную, со стеклянными вставками дверь. Сделал глубокий вдох, но от наполненного ядовитым зловонием воздуха его тут же затошнило. Он хмыкнул. *Соберись, черт тебя дери. Еще не хватает, чтобы, вернувшись на Бернет-роуд, Отрыжка Флетч разнес всем в отделе, что ты не сдержался и блеванул.*

Прижав телефон подбородком, он достал из кармана пару медицинских перчаток. Утром, заступая на службу, он и не думал, что они ему понадобятся, а теперь был рад, что прихватил их с собой. Что-то, а уж эту аксиому ему отлично вбили в голову в Туллиаллане: всегда будь

готов. И благодаря перчаткам констебль почувствовал, что готов ко всему – они словно создали барьер между ним и тем, что ждало его впереди. Словно защитили не только его руки, но и всего его целиком. Он снова ухмыльнулся. Может, это не просто перчатки, а суперсила? Есть же Человек-паук, а он – Человек-перчатка.

Осмелев, он открыл дверь.

– Чувак, ты уже там? – донесся с лестницы голос Отрыжки.

Дай мне шанс справиться, чертов старый кусок...

Отрыжка Флетч балдел от собственной популярности среди слушателей и не собирался затыкаться.

– Чертовы новички. Ни выдержки, ни решительности. Нормальных копов ни хрена не осталось.

Кто бы сомневался, что это высказывание вызовет шквал сдавленных смешков. Уши констебля покраснели. Сжав губы, он проворчал:

– Высокомерный жирный кусок дерьма. Сам бы со своей работой справился? Говно ленивое.

Он переступил порог, осветив фонариком не устланный ковром коридор. По обеим сторонам были двери – наверняка в две спальни, – и в конце коридора виднелась гостиная, возможно даже с гостевым туалетом по левую стену. Он поводил лучом в темноте. На запятнанных обоях темные размазанные полосы. Похожи на дерьмо. Скорее всего, так – запах экскрементов превалировал над всем остальным. Его мать бахнулась бы в обморок, увидь она своего сына в такой помойке.

Из открытой двери потянуло воздухом, и вонь стала еще невыносимее, к тому же ветер принес и другие амбре, одно хуже другого. На лестнице раздались хрипы и мат Отрыжки Флетча, значит, тот уже тащился вверх. Констебль вошел в коридор, направил свет фонарика вправо, затем влево, потом снова вправо и влево. *А я был прав!* Он толкнул дверь, которая и впрямь вела в спальню, и в лицо ему ударил поток холодного воздуха. Просунув руку за дверной косяк, он нащупал выключатель и нажал клавишу – снова безрезультатно. Кажется, весь дом был обесточен.

Поморщившись, он посветил в комнату. Луч выхватывал отдельные фрагменты: валявшийся на полу запятнанный двойной матрас, занимавший большую часть помещения, а на нем – груды рваных покрывал. У стены расшатанный буфет без нескольких ящиков. Обрывки обоев сползали с плесневелых стен, что отчасти объясняло удушливый запах; еще одним его источником служило ведро с отходами жизнедеятельности, что стояло у поломанного шкафа. *Какая мерзость!*

Не в силах вдыхать вонь, он уже собирался захлопнуть дверь, и телефон в его руке дернулся, высветив какое-то движение на матрасе. Констебль отпрянул, испугавшись, что на него сейчас набросится гигантская крыса. На него смотрела пара немигающих, ничего не выражающих глаз. Он разглядел покрытый кровавыми корками скальп, ввалившиеся щеки и синюшную кожу. В маленькой ручонке существо держало жестяную банку с кольцом-открывашкой, из которой торчала ложка. Неудивительно, что создание пряталось под покрывалами. В комнате было холодно.

Ледяной воздух проникал в широкую щель между оконной рамой и подоконником, шевелил угрюмо поникшие тонкие занавески. Глаза ребенка были темными и совершенно пустыми. Первым порывом констебля было схватить ребенка и выбежать с ним из комнаты. Но тут в темноте появилась еще одна голова, и сразу за ней – третья. Три малыша молча уставились на него. Он выдавил улыбку – ноль реакции. Осторожно ступая в их сторону, стараясь не перепугать детей, он широко улыбнулся.

– Теперь все хорошо. Я полицейский. Вы в безопасности.

Ничего. Ни кивка, ни движения – лишь три пары темных, грустных, немигающих глаз. Он постарался вспомнить, чему их учили в академии, но никто в Туллиаллане не готовил его к чему-то подобному. Он повернулся к открытой двери и заговорил взволнованным шепотом:

– Сержант, вы мне нужны.

Но от слабого голоса Флетчера у него по спине пробежали мурашки.

– Помоги. Сердце болит. Нужна скорая!

Констебль прикрыл глаза. *Серьезно? Seriously, блин? Это мой первый рабочий день, мало того что я нашел троих малявок в этой выгребной яме с дерьмом, так еще и мой сержант бросает меня одного? Куда уж хуже.*

– Я вызвала, – раздался прокуренный голос одной из соседок. – Я останусь с ним, – добавила она ласково. – Все будет хорошо, Флетч. Ты справишься. Помощь уже в пути. – И потом: – Да чем здесь, черт возьми, так воняет?!

В надежде, что слова соседки относились к воню в доме, а не изо рта Флетчера, констебль с облегчением вздохнул. Одна проблема решена. Но он еще не нашел мамашу. Он приложил палец к губам:

– Сидите тихо. Я найду вашу мамочку и приду за вами, хорошо?

Как об стенку горох. Но у него не было времени ждать. Попятившись, он закрыл за собой дверь и повернулся к другой, той, что слева. Когда он взялся за ручку, по спине пробежали мурашки и волосы на затылке встали дыбом. Он был не из тех, кто верит в шестое чувство и прочее дерьмо, но его не покидало беспокойство. Несмотря на холод, струйки пота стекали у него под мышками, а в животе словно копошились личинки. *Соберись! Ты теперь здесь за главного, пока старикан Флетч стонет внизу лестницы, как подыхающий бегемот.* Он ухмыльнулся. *Неплохо для первого дня на службе, а? А ведь я еще даже смену не сдал.*

Он глубоко вдохнул и тут же пожалел об этом, закашлявшись так, что свело живот. Рвота обожгла глотку, но он с усилием ее проглотил и, навалившись на дверь всем весом, ворвался в худший в своей жизни кошмар.

На полу зазвенели бутылки из синего стекла, от неожиданности констебль уронил телефон, и комната погрузилась во мрак – что было ему на руку. Меньше всего в жизни ему хотелось бы увидеть нечто раздутое и шевелящееся, лежавшее на постели.

С бьющимся сердцем он отмахнулся от мух и, снова воздав хвалу перчаткам, поднял телефон с загаженного пола. Прикрыв глаза, он всхлипнул. *Я на такое не подписывался.* Но, вспомнив перепуганных детей в соседней комнате, он заставил себя сосчитать до трех. Такова была их работа. Служба в полиции – не про роллы с ветчиной и омлетом, съеденные в патрульной машине, и не про галлоны кофе за рабочим столом. Она про помощь людям, и констебль еще никогда не видел никого, кто так отчаянно нуждался бы в его помощи, как эти три перепуганных малыша.

Он услышал вой сирен и затрудненное дыхание Отрыжки Флетча, распрямился и снова направил луч фонарика на нечто, лежавшее на постели. Оно выглядело хуже, чем ему показалось с первого взгляда. Человек – мертвец, скорее всего мать тех детей, – лежал с высунутым языком. Но и это было не худшее. Было в трупe нечто непостижимое. Его вид, который констебль никогда не забудет. Он еще долго будет являться ему в худших ночных кошмарах.

Констебль развернулся, выбежал из комнаты, захлопнул за собой дверь и бросился в противоположном направлении. Дети так и не пошевелились, так что он схватил одного, посадил на спину, второго прицепил ручонками к своей шее, а третьего ухватил на руки. Их ноги волоклись по деревянному полу, и он, то ли неся, то ли таща их по земле, спустился по лестнице мимо лежащего, все еще рыгающего Флетча и, не останавливаясь, выбежал в морозную ночь.

День 1

Глава 1

– Ты не могла бы прекратить свое бесконечное клаяние? Ты меня с ума сведешь, Куини. – Детектив-констебль Жасмин – для коллег Джеззи – Соланки уставилась в лобовое стекло полицейской машины на царящий снаружи ледяной мрак. – Я думала, тебе запретили этим заниматься. После того, как ты чуть не выколола глаз тому парню. Забота о здоровье и безопасности или что-то вроде того.

Но Куини продолжала клаять, и Джеззи вздохнула. В висках пульсировала боль; она распустила тугой хвост на затылке, и волосы длиной до пояса каскадом разметались по спине. Она снова надела фуражку.

– Так-так-так. С такой прической ты выглядишь как Симона Эшли¹. – Куини уставилась на Джеззи. – И на десять лет моложе. Понять не могу, почему ты вечно стягиваешь волосы, как мисс Транчбулл²?

Джеззи уставилась на нее в ответ.

– Во-первых, волосы Симоны Эшли вьющиеся, а мои прямые, как палка; во-вторых, хожу я распустехой или с конским хвостом, я по-любому не похожа на мисс Транчбулл.

– Ага-ага. Тут я бы поспорила, Джейзи.

Джеззи работала с детективом-констеблем Энни «Куини» Маккуин всего несколько дней, но уже поняла, что та – сама себе закон и порядок, и приготовилась к тому, что все дежурство напарница будет болтать без умолку. Она снова взглянула на экран телефона – час ночи. Прошло всего пять минут с тех пор, как она проверяла время в последний раз. Дежурство обещало быть долгим и крайне некомфортным.

– Можешь клаять потише?

– Это просто вязание, господи ты боже мой, Джейзи! – Куини произнесла оба слога прозвища так, будто готовилась читать рэп. И поскольку в машине было темно, она не заметила, как Джеззи закатила глаза. *Ума палата*. Куини же не умолкала: – Спиц почти не слышно, к тому же ими вряд ли можно кого-то убить. Так?

Вот с этим Джеззи готова была поспорить. С ее точки зрения, спицами вполне можно было кого-нибудь прикончить; особенно она в этом удостоверилась после того, как прочитала отчет об «инциденте со спицами», и был в этом мире один человек, который точно разделял ее мнение. Если Куини не бросит свое вязание, Джеззи покажет ей, каким страшным оружием могут стать гребаные спицы.

А Куини все не останавливалась:

– Я же не размахиваю АК–47 перед твоим носом? Или «Хеклер унд Кох»? Или «Сиг Сиджи 550»?

Едва подавив раздраженный вздох, Джеззи потерла усталые глаза. Что ее выводит больше? Чертовое клаяние спиц или бесячая манера Куини на любое событие приводить *три* дурацких бесполезных примера? Чтобы отвлечься от перестука, она снова посмотрела в лобовое стекло. Снег все падал и падал, густой и стойкий, размывая обзор, и если бы Джеззи то и дело не включала дворники, лобовое стекло залепило бы окончательно, и они не видели бы того, за чем следили. Хотя Куини было все равно: она полностью сосредоточилась на шер-

¹ Симона Эшли – британская актриса с индийскими корнями, известная по роли в драме «Бриджертоны».

² Мисс Транчбулл – противная директриса начальной школы Кранчем-Холл в книге Роальда Даля «Матильда».

стяном ужасе, который рождали ее спицы. Клацанье ускорилося в такт словам Куини, словно ее рот и руки работали в едином темпе.

– И кстати, ты будешь рада моим спицам, когда мы столкнемся с бандой бешеных подrostков... или собак... или с пьяницами...

Боже, опять эта троица чертовых примеров. Я больше так не могу.

– Ладно-ладно, я поняла, Куини. Просто не...

– О не-е-е-ет! – проорала Куини так внезапно, что Джекки подпрыгнула. – Это все ты со своей гребаной болтовней! Я ошиблась!

Куини потянулась к кнопке, зажгла лампочку на потолке, и салон залил яркий свет.

– Посмотри, что ты натворила, ДжейЗи! – прорычала она. – Что я из-за тебя наделала! Это все твой паршивый бесконечный треп. Это же подарок моей второй половинке, а ты все испортила. Посмотри, в каком оно виде.

Прошипев сквозь зубы, Джекки бросила взгляд на ярко-оранжевое нечто, сотворенное Куини. Несмотря на раздражение, она не смогла сдержать улыбку. Здесь было отвратительно все – от омерзительного оранжевого цвета до ошибок в петлях, из-за которых все вязание было усеяно дырками. Даже обладая буйной фантазией, Джекки представить себе не могла, как этот предмет одежды должен в итоге выглядеть. Но Куини была раздосадована не столько дырками или мерзким цветом, сколько тем, что один рукав оказался намного короче другого. Джекки нахмурилась.

– Ты вроде должна вязать все части свитера по отдельности?

– Хм-м-м... Хотя что ты знаешь о вязании? Да будет тебе известно, это специальный метод. Я так делала, когда вязала одежду моему мелкому племяннику.

Гадая, как такое могло случиться со свитером, Джекки потянулась к кнопке и выключила лампу.

– Мы должны приглядывать за предполагаемой наркофермой, а не корпеть над твоим вязанием и объявлять всем в округе, что мы тут торчим. Никакого света. К тому же завязывай с этим делом. Ты наделала столько ошибок, потому что вяжешь в темноте.

Куини хмыкнула, но никак не прокомментировала высказывание Джекки.

– Можно подумать, эти придурки из «Ори-Дерись» хоть на что-то способны. Накачаются старой доброй наркотой, отлетят и вырубятся мордой в унитаз. Они нас не заметят, даже если мы прилетим к ним на срущем радугой единороге.

– Я тебя услышала, Куини. Это и правда дурацкое задание, но такова наша работа.

– Ну-ну... Сидеть на жопе ровно хрен знает где и наблюдать за кучкой несчастных тупиц, которые мнят себя выше закона, пока наши коллеги ведут лакомые дела.

Куини была права. Дурацкое задание. Все знали, что жители Стуррача – ветхой деревеньки неподалеку от более уважаемой и куда более крупной деревни Фолдхаус – брошены на произвол судьбы, и не без причины. До тех пор, пока их темные делишки оставались в пределах поселения, их просто игнорировали. Полиция не желала тратить драгоценное время, гоняясь за призраками, тем более что суд в девяти случаях из десяти все равно отказывал в возбуждении дела за отсутствием состава преступления.

В связи с чем возникал вопрос: зачем их с Куини сюда прислали? Это что, еще одно наказание злопамятного старшего детектива-инспектора Дика – настолько мудака, что для них он из Дика превратился в Мудика, – который отправил их обеих прямоком в низшую лигу, называвшуюся «команда Г»? Этот ублюдок отказался называть их командой В, показывая, что считает их полным говном. И, в отличие от остальных, не давал им вести настоящие расследования. Джекки подозревала, что Дик просто мстит. Такой мелочный человек получил так много власти... Но Джекки решила не заикливаться на мотивах его поступков. И неважно, насколько дурацким было их задание, она выполнит его максимально хорошо, даже несмотря на то, что в пару ей досталась такая тупица, как Энни Маккуин.

Стуррач был скорее поселком, нежели деревней, – несколько скученных домов по сторонам изрытой выбоинами дороги. С единственным местом притяжения местных жителей – пабом, метко названным «Ори-Дерись». Легенда гласила, что несколько веков назад поселок основал клан Старроков, которые по мере распространения проказы планировали укрыться здесь от остального мира. Джекки понятия не имела, правда это или нет. Одно оставалось несомненным: жители окрестных деревень, особенно ближайшей – Фолдхауса, – если и не боялись, то точно избегали местных. Они были отделены друг от друга жалким клочком поросшей травой земли шириной в двадцать метров, который прозвали «Гиблой землей». Со стороны Стуррача по всему периметру ржавели старые автомобили, у которых было разворовано все, включая руль и покрышки, а также валялись старые стиральные машины и холодильники. Вся эта помойка будто служила барьером, отделявшим Стуррач от остального мира.

К сожалению полицейских Уэст-Лотиана и Бордерса, особенно Джекки и Куини, большое начальство шотландской полиции закрывало глаза на все возрастающую активность в этом злочном месте и постоянные жалобы жителей соседнего Фолдхауса на поток различных видов наркотиков, что растекался по всей округе. Из-за чего Джекки пришлось этой ночью морозить пятую точку в замшелой полицейской машине с напарницей, которую понизили до констебля и которую она едва знала и не горела желанием узнать получше.

Джекки боялась, что эта промозглая, депрессивная, снежная ночь заставит Куини поднять тему, которую Джекки не собиралась обсуждать, – инцидент, из-за которого ее, именитого сержанта-детектива, однажды ставшую детективом месяца в своем отделе, понизили до младшего констебля. Джекки чувствовала, как Куини на нее смотрит, и меньше всего ей хотелось, чтобы ее выводили на признания.

Но любопытство Куини мчалось на Джекки со скоростью поезда, и, уложив вязание в сумку и поставив ее под ноги, Куини скрестила руки под пышной грудью и развернулась к Джекки.

– Итак... Ты в курсе, что меня понизили в звании из-за инцидента со спицами, но никто не знает, почему *ты*, уважаемая сержант-детектив, сделавшая головокружительную карьеру, месяц назад пустила все под откос.

Джекки поджала губы. Она не собиралась ничего рассказывать Куини. Ее руководство было заинтересовано в том, чтобы причины, по которым Джекки понизили в должности, оставались в тайне, но ее бесило, что вездесущая пресса вывалила ее грязное белье на всеобщее обозрение. Но в любом случае чем меньше людей узнают правду, тем лучше. При других обстоятельствах она свалила бы происходящее на сексизм, но сейчас решила промолчать, печально опустив голову. Она прекрасно знала о слухах, которые курсируют вокруг ее личности, и, как оказалось, до Куини они тоже дошли.

– Хм-м-м... Люди болтают, что вы с главным занимаетесь *этим*. Ну, знаешь, старые добрые потрахушки, туда-сюда, как кролики, прелюбодеяние и все такое. – Куини закинула руки за голову и два раза вильнула бедрами. – Я-то свечку не держала, но, как по мне, старику Вакасу Афзалу по вкусу миниатюрные, миловидные девушки, слабохарактерные, из тех, кто не может за себя постоять. – Хихикнув, она окинула взглядом фигуру Джекки. – А не такие, как ты, большие цветные бабы с трудным характером.

Джекки открыла было рот, чтобы поспорить насчет «большой цветной бабы», но снова его закрыла. Да, она была выше большинства коллег-офицеров и немного кругловата в бедрах, а ее тетя Лилли описывала ее грудь синонимом «щедрая», и все же... Она не собиралась ввязываться в дискуссию насчет своих отношений с руководителем. Хотя услышать такое от Куини, этой Мисс Дикобраз размером с пивную бочку, было уже слишком. Она оказалась плохой и нетактичной собеседницей. Резкая – вот как ее охарактеризовала бы Джекки. Шумная, колючая и неприятная. Джекки ни за что не стала бы откровенничать с Энни Маккуин.

– Почти полпервого, Куини. Не хочешь вздремнуть? Ночь будет долгой, и мы можем спать по очереди. Нам не обязательно бодрствовать вдвоем.

Куини поджала губы, помотала головой и приоткрыла дверь машины, впустив в салон ледяной воздух.

– Пойду пописаю и потом вздремну. Я присмотрела местечко за ржавым холодильником. Моча потечет под горку. А ты можешь присесть за старым драным диваном или за перевернутой тачкой. Выбирай.

Дверь захлопнулась, и Джеззи вдруг почувствовала, что и сама хочет по-маленькому. Теперь, когда Куини вернется, ей придется выйти из теплой машины и поморозить задницу. Может, стоило купить подгузники для взрослых, которые так нахваливала ее мать?

Глава 2

Есть нечто особенное в том, чтобы красться по темным улицам в предрассветный час – быть неслышным невидимкой, призраком. Словно я – последний человек на Земле. Словно весь мир и все, кто в нем живет, – в моей власти. Словно я сверхчеловек – бог, герой! Эта мысль щекочет нервы; я дотрагиваюсь до амулета, что висит на цепочке у меня на шее. Я никогда его не снимаю. Его прохлада позволяет мне вспомнить о том, как важна моя работа. Кто-то назовет меня воплощением зла, никаким не героем, просто... Они пока ничего не поняли. Я скольжу по улице, сливаясь с тенями, избегая камер наблюдения, словно лис на охоте. На голове капюшон – я будто старый нарик, что вылез прикупить дозу у такого же опустившегося, как и он сам. Снегопад крепчает, и холод почти нестерпим, зато на улице ни души.

Впереди у двери «Ори-Дерись» включается свет, выделяя два силуэта. Наверняка два каких-нибудь старых ублюдка. «Э! Комнатки не найдется?» Но нет, просто двое парней вышли из паба на перекур.

Я наблюдаю за ними, но продолжаю думать о своей работе. Затем сливаюсь с тенями свалки, именуемой «Гиблая земля», и иду в сторону темных очертаний домов на ее противоположной стороне. Все складывается как надо. Мои задумки уже приносят свои плоды, а эти двое в машине – как раз там, где мне и нужно. Они стоят на темном участке дороги, лицом к «Ори-Дерись», но поодаль. Я оглядываю улицу и улыбаюсь. Они стоят так, что со стороны Стуррача их почти не видно, зато им открывается обзор на происходящее вокруг паба. Это копы; они присматривают за тем, что происходит под козырьком, с которого стаивает снег.

Хихикнув, я качаю головой. Своим присутствием они себя выдают. Но для меня так даже лучше. Это способствует моему замыслу. Если эти два идиота так и останутся там стоять, то невелик шанс, что кто-нибудь из их коллег решит патрулировать район. А мне как раз нужен дом через четыре улицы от этой. Я ныряю во тьму, зная, что черная одежда и густой снегопад скроют меня от любопытных глаз.

Я скольжу по аллее, ведущей к Азалия-клоуз, наступая на припорошенные снегом использованные иглы и гондоны. В конце аллеи дома становятся куда симпатичнее – со своими парковками, большими машинами и подстриженными лужайками. Шикарные девочки в своих шикарных домиках. И их короли, взирающие на весь остальной мир сверху вниз. Я поворачиваю направо и иду напрямиком к номеру восемьдесят три, дому, претенциозно названному «Хеджгроу». С пятью спальнями и двумя припаркованными у входа БМВ. Я отлично его знаю и крадусь мимо красной машины, не попадая в поле зрения датчика движения, который тут же зажжет свет.

Если подождать – я сверяюсь со временем на телефоне – каких-то двадцать минут, датчик деактивируется с наступлением утра; но ждать я не собираюсь. Не сегодня. Пригнувшись, радуясь тому, что живая изгородь и машина прикрывают меня от пронизывающего ветра, я грею руки, дую на пальцы пару минут. Это обязательно. Мне нужно, чтобы они были проворными. Согрев их, я приступаю к следующей части замысла, коротко киваю в сторону дома и ухожу. Но я вернусь до того, как они поймут, что я здесь. И они пожалеют о моем возвращении.

Только сначала мне нужно кое-что сделать, и теперь, когда я знаю, что пешки расставлены в правильном порядке, план приходит в движение. Эта ночь станет невероятной.

Глава 3

Нестройный храп, прерываемый долгожданной тишиной, вдруг нарушила череда утробных звуков. У Джекки закружилась голова; она уже жалела, что предложила Куини вздремнуть, пока сама ведет наблюдение за объектом. Если звуки, доносящиеся из рта ее коллеги, были ужасны, то те, что раздавались из ее задницы, были просто убийственны. Куини вывела пердеж на кардинально новый уровень, наполнив полицейскую машину зловонными газами, от которых Джекки приходилось спасаться, то и дело приоткрывая окно. Куини была омерзительна. Но хотя бы, пока она спала, она не донимала Джекки расспросами, и только поэтому Джекки так ее и не разбудила. К тому же она знала, что не уснет. Неважно, насколько она измотана, она не могла просто так взять и вздремнуть. Это было частью ее щепетильной натуры. Симптомом, полученным, если верить ее терапевту, с опытом прошлого, над которым ей нужно было работать, если она хотела построить нормальные отношения.

Джекки нахмурилась. Она не собиралась строить никаких доверительных отношений. Последнее, что ей было нужно, – это какой-нибудь чел, который будет совать нос в ее дела и претендовать на ее время. Нет, ей хорошо и в одиночестве. К тому же у нее были отношения. С мамой и отцом. И с Эллиотом. Более чем достаточно. Со сколькими людьми ей надо построить отношения, чтобы терапевт сочла, что их хватит? Джекки подозревала, что эта цифра гораздо больше трех.

Она взглянула на часы. Почти половина второго. Какая долгая и промозглая ночь. Слои одежды и пледов, в которые она завернулась, словно в кокон, так и не согрели онемевшие пальцы на руках и ногах. Она посмотрела на Куини. Удивительная безмятежность. Рот открыт, короткие седые волосы торчат из-под дурацкой вязаной шапки – которую, как подозревала Джекки, Куини связала сама. Джекки разбудит ее, как только наступит утро.

За последний час Джекки несколько раз включала дворники и тарасилась на темный клочок «Гиблой земли». Вокруг «Ори-Дерись» никакой подозрительной активности, не считая молодых парней, что покинули паб ближе к закрытию. Пьяные, они швырялись друг в друга снежками и с гоготом съезжали на задницах по изрытой выбоинами дороге, во всю горланя «Снеговик Фрости». Смеясь, каждый занырнул к себе домой.

Вскоре огни паба погасли, оставив Джекки один на один с темнотой. Почему-то свет заведения создавал ощущение уюта и тепла. А теперь, оставшись в компании нескончаемого мокрого снега и мрачной безлунной ночи, Джекки поежилась. Она плотнее закуталась в плед и задумалась, стоит ли рискнуть и завести мотор, чтобы согреться. Куини снова зловонно пернула, и, простонав, Джекки зажала нос рукой и открыла окно.

К счастью, в ее кармане завибрировал телефон, отвлекая от грустных мыслей. Эта мелодия стояла на оповещении системы безопасности у нее дома. Джекки сняла перчатку и посмотрела уведомление. После того, как несколько раз за прошедшую неделю сигнализацию активировал Мистер Лис, что крался через ее участок к детской площадке и дальше в перелесок, она ожидала увидеть на экране рыжего гостя. Она включила последнюю запись. Свет над задней дверью зажегся, активированный движением возле забора, огородившего сад. Но вместо лиса со зловещими горящими глазами и вялым хвостом на экране возникла фигура, одетая во все черное. Человек крался по лужайке, оставляя следы на снегу.

Джекки приблизила телефон к глазам и нажала паузу. Сердце бешено колотилось в груди. Инстинктивно она нащупала фигурку Ганеши, которую всегда носила в кармане. Проведя пальцами по знакомым очертаниям, она немного успокоилась. Фигура с надвинутым на глаза капюшоном, пригнувшись, шла по ее лужайке. Рот был прикрыт то ли шарфом, то ли балаклавой. На глазах темные или защитные очки. Джекки пронзил страх, и она побледнела.

Черт! Прошло столько месяцев – почти год с тех пор, как это случилось в последний раз. Еще до того, как она переехала в небольшой домик в Белскуорри и установила охранную систему. Все это время ничего подозрительного не происходило, и она успокоилась, решив, что все осталось в прошлом. *Дура, дура, чертова дура!*

Поглаживая Ганешу, она пыталась взять себя в руки. Зрение затуманилось, и она поняла, что сейчас окунется в прошлое – в то время, когда она была одна и напугана. В те минуты, когда на лестнице раздавались шаги. Она с силой зажмурилась и заставила себя остаться в настоящем, быть здесь и сейчас. Через несколько минут дымка минувшего рассеялась, и дрожащими пальцами она снова нажала на видео. Темная фигура приблизилась к камере, но из-за того, что человек сильно пригнулся и поджимал плечи, она не могла определить, какого он роста. Сто семьдесят или сто восемьдесят сантиметров? Но Джеззи уже знала, что белый прямоугольник, который он сжимает в руке, – это поздравительная открытка. С днем рождения. Для нее.

Куини завозилась, повернулась на бок и уткнулась головой в дверь. Джеззи дивилась, как можно так крепко спать на таком холоде. Но ей это было только на руку. Ей нужно было побыть одной, обдумать, что именно засекла ее охранная система. Она морозила зад в провонявшей полицейской машине, не самом идеальном месте для раздумий, но, пока Куини спала, это было лучшее, на что Джеззи могла рассчитывать.

Ей хотелось сорваться с места и поехать домой, несмотря на то, что этим поступком она нарушила бы протокол, но она не собиралась рисковать работой – особенно после недавнего понижения в должности. Домик с двумя спальнями в тихой деревеньке был для нее идеальным убежищем, она считала его своим домом. Совсем близко от Уэст-Калдера с одной стороны и так же близко от полицейского участка в Ливингстоне с другой.

Она отругала себя за то, что так расслабилась. За то, что вела себя наивно и привязалась к этому дому, пустила в нем корни. И теперь ей будет трудно переехать. Надо было придерживаться кочевой жизни. Год тут, шесть месяцев там, восемнадцать на следующем месте. Но она совершила фатальную ошибку. Пульс стучал в висках, а дыхание ускорилося настолько, что совсем сбилось. Джеззи пыталась взять его под контроль. Голова закружилась, она закрыла глаза и глубоко вдохнула. *Черт, все плохо.*

Она заставила себя сесть прямо и делать каждый вдох, что болью отдавался в горле, длиннее предыдущего. Вырываясь из ее рта, выдох клубился туманом в салоне машины. Она начала считать, медленно, пока головокружение не отступило и боль в горле не прошла. Ехать домой бессмысленно. Человек в черном будет уже далеко. Она сосредоточилась на том, что ее окружает. Тихий шорох листьев, капли тающего снега, что стекают по веткам и падают вниз. Далекое уханье совы над полями и самый громкий из всех звуков – бесконечный храп Куини. *Слава богу, она не видела, как я дала слабину. Она разнесла бы мой позор на весь отдел.*

Джеззи закусила губу. Нет, это неправда. Куини была еще та штучка – назойливая особа, – но она не злая. По крайней мере, Джеззи за короткое время их знакомства ничего такого не заметила. И все же она была рада, что коллега не видела ее в таком состоянии. Она вздохнула и, когда убедилась, что взяла себя в руки, снова просмотрела всю запись от начала до конца.

Фигура в черном капюшоне и дурацких защитных очках кралась по лужайке к задней двери, вошла по ступеням. Посмотрела в камеру и помахала. *Ублюдок хренов!* «Ублюдок» был в перчатках, а значит, на конверте нет отпечатков пальцев – как и раньше. Он просунул конверт под горшок, стоящий на верхней ступени. Теперь он был так близко, что она разглядела конверт, обернутый в пищевую пленку. Он посмотрел в камеру, послал ей воздушный поцелуй и ушел.

Что Джеззи сделала бы? Она не могла сообщить об этом в полицию, не вытряхивая грязное белье перед коллегами. Прямой угрозы не было. Да, это странно – одеться как ниндзя, прокрасться к чужому дому и сунуть открытку под цветочный горшок. Но ничего криминального

в этом нет. Карточка снова будет не подписана. Джеззи надеялась, что жуткий сталкер устал играть с ней в игры, но он снова ее нашел. Хотела бы она понять, кто он такой, но, хотя сегодня она увидела его впервые, как знать, не заплатил ли он кому-то, чтобы тот принес ей открытку?

Она не могла позволить себе провалиться в эту кроличью нору, предположив, что человек на экране и есть тот самый сталкер. Что он позволил застукать себя за доставкой открытки. Он что, нарываясь на неприятности? Это следующий шаг в преследовании, которое до того казалось хоть и раздражающим, но вполне безобидным. Хотя кого она обманывает? Она отлично знала статистику преследований, и та была неутешительной. Нет такого понятия, как «безобидный сталкер». Так что ей нужно было продумать план действий и понять, что за всем этим стоит. И благодаря тому, что босс засунул ее в самый слабый отдел, времени у нее было предостаточно.

Воспользовавшись своим относительным одиночеством, она увеличила картинку на экране и постаралась разглядеть хоть что-то примечательное, что помогло бы ей понять, кто этот человек, но, как бы она ни вглядывалась, ничего не находила. Как и раньше, Джеззи снова прокрутила в голове список подозреваемых и опять остановилась на Дуэине Таггарте. Семья Таггарт через многое прошла. Джеззи расследовала изнасилование сестры Дуэйна, Люси. Они поймали насильника, но он вышел сухим из воды, потому что одного из подчиненных Джеззи подкупили, заставив его «потерять» улики.

Понятно, что семья была в ярости. Дуэйн угрожал Джеззи в суде, и вскоре после этого на ее пороге стали появляться странные открытки. Единственное, что могла сделать Джеззи, – это попросить об одолжении. Она порылась в сумке и достала предоплаченный незарегистрированный телефон, напечатала текст и приложила запись с видеокамеры.

«Еще одна. Можешь проверить?»

И через несколько секунд экран запасного телефона загорелся. Ответ был короток:

Глава 4

Лежать, укутавшись в одеяло, было настолько тепло, что Имоджен Кларк не торопилась вставать с постели. Но тут она вспомнила: у нее день рождения – и едва поборола порыв, откинув одеяло в сторону, тут же вскочить на ноги. Ее мама планировала нечто особенное на завтрак и заранее предупредила дочь, чтобы та не выходила из спальни, пока ее не позовут. Имоджен надеялась, что родители поторопятся. Ей нужно было в туалет и не терпелось посмотреть подарки. Поглубже закопавшись в одеяло, она улыбнулась. Этот день должен был стать лучшим в ее жизни. Она вся была в предвкушении.

В последние две недели, всякий раз, когда она упоминала о своем дне рождения, родители шутили: «Уже шестнадцать, а еще нецелованная». Да что они знали о ее личной жизни? Она не была настолько невинной, как они думали, и сегодня собиралась навсегда распрощаться с девственностью. Все ее подруги уже сделали *это* во время летних каникул. Но, осторожная по природе, Имоджен медлила. Зато теперь, когда у них с Денни Баником стало все серьезно, она была готова. Да, он старше нее, и поначалу ей было трудно поверить, что такой красавчик двадцати одного года от роду мог ею заинтересоваться. Он хотел заняться *этим*, но она решила подождать, и он не стал давить.

Ее подруга Глория сделала *это* на заднем сиденье отцовской машины, припаркованной у соседнего дома. Тупая корова, она забыла про гондон и еще несколько недель ныла, беспокоясь, не залетела ли, пока наконец, слава богу, у нее не начались месячные. Тупая корова решила это отпраздновать: купила целую пачку гондонов и перетрахала всех парней в радиусе километра.

Денни согласился не спешить, сделать их первый раз особенным. Вот почему парни постарше куда мудрее старшеклассников. Единственное, что омрачало картину, – это слухи, которые распускали ее же друзья. Имоджен нахмурилась, взяла телефон, и живот привычно скрутило. Естественно, разговоры о том, что Денни трахает Глорию и еще какую-то девчонку с университетской хэллоуинской вечеринки, на которую Имоджен не попала, – полная чушь. Они все лгут. Денни поклялся ей жизнью матери, и Имоджен ему поверила.

Приподнявшись на локте, она разблокировала телефон и проверила уведомления, выискивая сообщение от Денни, но, несмотря на то, что ее поздравили все друзья и члены семьи, запостив сообщения на ее страницах в соцсетях, никаких посланий от бойфренда не было. Она посмотрела на часы и постаралась успокоиться. Еще рано, а Денни не любил вставать поутру. По большей части он спал до обеда. Он напишет ей позже, и все будет хорошо.

Она ожидала, что ее родители, как обычно, ворвутся к ней в комнату в половине седьмого в праздничных колпаках, с язычками-свистульками и хлопушками под аккомпанемент «С днем рождения» Стиви Уандера. Она улыбнулась. Наверное, они еще готовят идеальный праздничный завтрак. *В конце концов, шестнадцать лет исполняется не каждый день!* Мочевой пузырь заныл, и Имоджен решила отвлечься, листая поздравления, мемы и оффотошопленные фотографии с семьей и друзьями.

Но когда она поняла, что Денни не отправил ни единого поздравления ни в одной соцсети, ее улыбка тут же погасла. Может, она просто не заметила? Имоджен пролистала уведомления в обратном порядке в поисках того единственного сообщения, которого ждала больше всех остальных. Но увы. Ее радость совсем улетучилась, она опустила плечи и подумала о том, как хорошо было бы, если бы мама сидела рядом, обняла ее и утешила, окутав родным запахом духов. Маме не нравился Денни, но она все равно сказала бы, что, возможно, у него что-то стряслось, поэтому он ничего ей не написал. Откинув одеяло, она встала, сунула ноги в тапочки и подошла к окну.

Падал довольно густой снег, и она вспомнила идиотский рождественский фильм «Реальная любовь». Никто из ее друзей так и не признался, что он им нравится, но за последние три

недели они смотрели его по крайней мере трижды. Она проверила телефон и нахмурилась – 6:45. Почему родители так запаздывают? На них не похоже. Имоджен приоткрыла дверь и прислушалась. Тихо! В доме ни звука. Словно она осталась одна.

Она отворила скрипучую дверь и снова прислушалась. Опять тихо. Что за черт? Ни поздравления от Денни, ни родителей, что шепчутся внизу лестницы, споря, кто первым поднимется к дочери. *Да пошли они!* Распахнув дверь так, что та ударилась о стену, Имоджен помчалась по коридору в туалет, надеясь, что мама и папа услышат ее шаги и придут за ней. Она громко хлопнула дверью уборной. *Вот теперь они сто процентов услышали!*

Опорожнив мочевой пузырь, Имоджен вышла, уверенная, что родители уже ждут ее внизу лестницы. Но единственной, кто ее ждал, была тишина. Имоджен поморщилась. *Что за вонь?* Она прокралась по коридору мимо родительской спальни. Дверь в комнату была распахнута настежь, их огромная кровать заправлена, а дурацкие декоративные подушки навалены горкой одна на другую – все как обычно. Так куда они подевались?

Она посмотрела вниз, и у нее свело живот. Запах стал сильнее, но она не могла понять, чем именно воняет.

– Ма-а-ам? Па-а-ап? Можно спуститься вниз?

Она перегнулась через перила и заметила серебристый отблеск в кухне. Задняя дверь была приоткрыта. Сердце зашлось в тревоге, и его биение было единственным громким звуком в этих стенах. Имоджен попыталась сглотнуть, но горло пересохло. Попробовала снова – безрезультатно. Она спустилась по лестнице.

– Мам, пап? Что происходит?

По полу потянуло сквозняком. По рукам пробежали мурашки, а волнение приподняло волоски на задней части шеи. Ноги задрожали. *Ну же, Имоджен. Ты сможешь. Тебе шестнадцать – ты почти взрослая. Не хнычь, как ребенок.*

С трудом замедлив дыхание, она на цыпочках спустилась еще на несколько ступеней, молясь, чтобы мама выскочила из кухни. Внизу запах стал совершенно отчетливым. Сквозняк крепчал, и она поняла, что задняя дверь полностью открылась. Наверное, ее родители там, в саду.

Имоджен с облегчением улыбнулась. Они запросто могли слепить для нее снеговика. В ее день рождения не так часто шел снег, и это было бы очень на них похоже. Почему она раньше об этом не подумала?

Отцепившись от перил, она тут же об этом пожалела. Ноги задрожали. Стараясь не трястись, она подошла к задней двери кухни.

– Господи, пожалуйста, пусть все будет хорошо.

Она зажмурилась, схватилась за сверкающую серебристым светом дверную ручку и распахнула дверь. И прежде чем ступить в кухню, открыла глаза. Ее крик пронзил тишину... Она развернулась и бросилась бежать по коридору к входной двери. Отодвинув защелку, метнулась на улицу, падая, не замечая, как куски льда впиваются в обнаженные подошвы ног. Слезы струились по щекам, но она не обращала на них внимания. Перебежав улицу, она бросилась к соседке, миссис Пател, которая счищала лед со своей машины.

Глава 5

Куини завозила сел. Потирая глаза, она снова пукнула и вытерла ниточку слюны тыльной стороной ладони.

Ну отлично. Сделав вид, будто собирается открыть окно, Джеззи развернулась и выключила телефон. Последние четыре с половиной часа она то в отчаянии швыряла его на приборную панель, то хватала снова и пересматривала запись с камер наблюдения. Ее контакт так и не связался с ней. Джеззи пришлось два раза вылезать из теплой машины на мороз, прямиком в бушующую стихию, чтобы опустошить мочевой пузырь. Куини была ни при чем, но Джеззи все равно на нее злилась. Она могла бы разбудить напарницу в любой момент. Но вместо этого предпочла сидеть в тишине и унынии, изнывая от безделья. Она опустила стекло и посмотрела на паб в надежде, что Куини проявит осмотрительность и помолчит. Надежда умирает последней!

– Который час? – Куини смотрела в окно на светлеющую рассветом улицу, а сама выглядела как вышедшая из спячки толстая соня.

– Почти половина шестого.

– Ты меня не разбудила?

Издевательски медленно похлопав ее догадливости, Джеззи снова хмуро уставилась на пустой паб.

– Отлично подметила! Тебе надо было стать детективом.

– Не будь дрянью, Соланки. Это не я должна была проснуться, а ты должна была меня разбудить. Ты сказала, чтобы я подремала пару часов, а потом поменяемся. Я не виновата, что ты вся такая разобиженная, типа пожалейте меня, вся бедненькая, несчастная... Разве не так?

Куини была права. Она не сделала ничего плохого, и, набросившись на коллегу, Джеззи повела себя как первоклассная сука. Она повернулась, чтобы извиниться, но Куини снова пернула.

– Твою мать, Куини! Что ты ела?

– Крейг принес хот-доги, и я схватила один с веганской сосиской. Настоящий яд для пищеварения. А жаль, они вкусные.

Зажав ноздри пальцами, Джеззи закатила глаза.

– Что ты там смотрела в телефоне, ДжейЗи? Порно?

Джеззи подавилась слюной. И, естественно, Куини, что сидела на соседнем сиденье со следами от автомобильной дверцы на щеке, не могла не заметить столь гипертрофированную реакцию.

– Эй, эй! Да не колготись ты так, цыпа! Я шучу. – Ухмыльнувшись, она почесала под мышкой, нахмурилась и осмотрела салон. – Ты не думай, что ты единственный коп, который дает рукам волю во время ночного дежурства. Если позволишь высказать мое мнение. – К сожалению, как обычно Куини решила приправить эвфемизм еще тремя на ту же тему: – Ну ты поняла... Дрожит, мастурбирует, теребонькает...

– Куини! – Джеззи рявкнула так, что Куини надула губы, скрестила руки на груди и заткнулась, отвернувшись к окну. И слава богу. Джеззи едва ли выдержит еще пару таких бредовых высказываний. Зато теперь наступила тишина.

Но Джеззи даже после столь короткого знакомства должна была догадаться – Куини так просто не заткнётся.

Драматично дернув плечами, она повернулась к Джеззи.

– Знаешь, даже думать об этом противно. В смысле, что нашли бы наши эксперты, если бы эта машина вдруг стала местом преступления.

– Если я возьму одну из твоих спиц и проткну твою башку?

Куини сделала вид, что ничего не слышала.

– Вот они позабавятся...

– Я суну спицу тебе в нос и проткну мозги через ноздрю...

Куини снова не обратила на Джеззи внимания.

– Только представь. Все эти выделения, впитавшиеся в обивку сиденья...

– Я даже адвоката требовать не буду, понимаешь?

– БМС – вот что они найдут. Блевота, моча, соки. Б. М. С! – Голова Куини покачалась, как у фигурки-собачки на торпедке машины. Она усмехнулась.

– Меня оправдают. Найдется куча людей, которые будут свидетельствовать в мою пользу. Куча...

– Поняла, ДжейЗи? Б. М. С. Блевота, моча, со...

Джеззи с силой ударила ладонями по рулю.

– Ради всего святого, Куини, завали пасть! Хотя бы на один-единственный крохотный наномент!

– Хм-м-м... Ты душная, знаешь? Юная кобылка вроде тебя должна быть озорной... Даже с таким паршивым вкусом на мужиков. В смысле – реально? Афзал? Да боже мой, он же тебе в папашу годится! – Куини хлопнула себя ладонью по лбу. – Блевота. Ты же не отсылала ему свои голые фото? В смысле... – Куини содрогнулась, лицо ее сморщилось, как смятый пустой пакет из-под чипсов.

Но Джеззи была на грани. Одержимость Куини слухами вокруг ее личных отношений с шефом полиции сводила ее с ума.

– Заткнись. Прямо. Сейчас. Если не можешь сказать ничего умного, молчи, ладно?

– Ты мне не босс, ДжейЗи Соланки.

И хотя Куини произнесла ее имя нараспев, Джеззи была уверена, что коллега обиделась. Куини сжала губы, подняла подбородок, выказывая раздражение, наклонилась и достала вязание из стоящей в ногах сумки. Джеззи вздохнула. Клацанье спиц было все же лучше, чем дурацкая болтовня.

Но Куини продержалась меньше пяти минут.

– Есть о чем доложить, цыпа? В смысле, наверняка, пока я дремала, ничего особенного не случилось, но... – Она пожала плечами.

Джеззи хотелось отчитать Куини за то, что та повадилась называть ее цыпой, но вместо этого она спокойно доложила обстановку:

– Ничего особенного, как мы и думали. Ребята из Стуррача не такие уж и тупые. Наверняка они заметили нас, еще когда мы парковались. К тому же это не задание, а наказание, так что... Единственные, кого я видела, – это парни, что кидались снежками по дороге домой. И вскоре после этого паб закрылся. С тех пор тихо.

– Тогда чего ты так вздрючилась? Что у тебя там в телефоне?

Эту тетку провести невозможно.

– Я играла в шарики, только и всего. И бесилась из-за твоих газов. У меня от них мозги закипели, настолько они вонючие.

– Бреешь. У тебя на лице все написано. Что-то стряслось!

К счастью, лежавший на торпедке мобильный Джеззи завибрировал, и когда она ответила, ее губы растянулись в ухмылке. Пока их босс, старший детектив-инспектор Тони Дик, говорил, она прерывала его короткими предложениями:

– Да, босс. Нет, босс. Сделаем, босс. Мы не облажаемся. Да, она оставит их в машине. Не волнуйтесь, мы выезжаем.

Куини подняла бровь.

– И что сказал этот мудила?

Торжествующе ухмыляясь, Джеззи прибрала волосы, стянула их резинкой в конский хвост, завела мотор, тремя поворотами руля вывела машину на дорогу и поехала сквозь снег.

– Кажется, наша охота на ферму по выращиванию наркоты завершена. Тут на соседней улице произошло убийство. Команды А и Б где-то шатаются, так что мы на подхвате. Это наш шанс вернуться из небытия. – Дворники заработали еще интенсивнее, счищая с лобового стекла настойчивые снежинки. – Во многих отношениях, если нам повезет.

Куини посмотрела на часы и вздохнула. Облачко пара повисло перед ее носом.

– Почти половина восьмого. Наша смена закончится в восемь.

– И? Ты спала всю ночь, Куини. Даже не смей завалить мне все дело. – Джеззи явно не шутила. Если ради того, чтобы вернуться к расследованию настоящих преступлений вместо наблюдения за наркофермой, ей придется пахать в две смены в ближайшие три месяца, она это сделает.

Куини вздохнула.

– Если меня заставят брать сверхурочные, то пусть это будет жуткий маньяк или... ну хотя бы преступная группировка или массовое убийство с кучей жертв...

– Да заткнись ты, Куини. К твоему сведению, это двойное убийство, и, если слухи правдивы, ты не слишком хорошо переносишь вид мест преступлений. В последний раз тебя вырвало, так?

Куини вгляделась в метель.

– Это был несвежий бутерброд с беконом, вот и все.

Глава 6

– Господи боже. – Стоило Джеззи войти в кухню Кларков, как слова, словно клубящийся пар в ледяную погоду, тут же сорвались с ее губ. Она застыла, судорожно пытаясь осмыслить представшую перед ней чудовищную картину.

Куини приблизилась настолько, что ее грудь коснулась спины Джеззи, а дыхание, когда она пыталась разглядеть развернувшуюся сцену, долетело до уха напарницы. Привстав на цыпочки, она выглянула из-за плеча Джеззи, и пару секунд – которых оказалось достаточно, чтобы изучить все в подробностях, – они обе молчали. Куини пошатнулась и, сдавленно прошепав «Иисусе!» и толкнув коллегу в спину, резко развернулась, зажав рот рукой, и вылетела за дверь. Пытаясь устоять на ногах, Джеззи оперлась о дверной косяк.

Куини тяжело вздыхала, шурша оградительной лентой, которую зацепила в спешке, а Джеззи сделала несколько глубоких вдохов и сконцентрировалась на месте преступления. Это был единственный шанс увидеть сцену нетронутой, единственная возможность, прежде чем появятся криминалисты. И, стараясь не обращать внимания на рвотные позывы – в животе словно копошились черви, готовые вырваться наружу, – Джеззи пыталась понять, что скрыто за развернувшейся перед ней картиной.

Запах крови и плоти мало ее беспокоил. На самом деле зловоние смерти редко выводило ее из себя, как других ее коллег, вроде Куини, что, вдохнув, мчались прочь, блюя и зажимая носы руками. У Джеззи не было иммунитета к чужой смерти, вовсе нет. Наоборот, в животе у нее уже бурлило. Но она была обязана воспользоваться шансом побыть на месте преступления, понять, чего добивался убийца, как он совершил задуманное, как подчинял жертв своей воле, как пробрался в дом и зачем ему все это.

Если верить Фрэнни Галлахер, криминалисту, место преступления никто не топтал и не тревожил до того, как его опечатали. Один из специалистов подходил к трупам, констатировал смерть, а другой растягивал оградительные ленты. Фрэнни понимала, что это убийство из ряда вон, и Джеззи была ей благодарна за то, что она сохранила все как есть до приезда полиции. Джеззи получила возможность увидеть, что именно оставил убийца дочери Кларков, и эта сцена указывала на личные мотивы.

Обои заляпаны кровавыми брызгами, стекающими по стенам на пол. Кларки, Боб и Ширли, посажены на стулья напротив друг друга, за красиво сервированным столом с праздничными флажками, конфетти и хлопушками. Посередине – пышный шоколадный торт с глянцевой глазурью. В него воткнут топпер с надписью «С днем шестнадцатилетия!», а вокруг разбросаны лепестки роз. Свечи догорели, оставив на верхней части торта неопрятные разноцветные лужицы.

Обыкновенное праздничное убранство, но от контраста с тем, что творилось вокруг стола, у Джеззи по спине побежали мурашки. Ужас сковал горло. Хотела бы она выбежать на улицу вслед за Куини. А еще лучше – вернуться в машину, запарковаться у паба «Ори-Дерись» возле свалки «Гиблая земля» и слушать, как напарница клацает спицами или храпит, а не взирать на эту скотобойню, этот худший ночной кошмар из всех возможных.

На Джеззи нахлынули воспоминания, и она закрыла глаза. Взрыв цвета, запахов, звуков, страха, и за ними – образы, которые всегда было сложно контролировать. Она снова не могла с ними справиться и уже в который раз с головой нырнула в воспоминания.

Сердце колотится, руки трясутся; она открывает дверь. Она не хочет заходить внутрь, но ей придется посмотреть и убедиться самой... Она должна сама увидеть, что там, за дверью. Вонь бьет в нос. Она отшатывается, прикрывает лицо ладонями, закашливается, моргает, подавляя рвотный позыв. Что она наделала? Она виновата. Она это знает, но не

понимает, что теперь. Свет ее фонарика мечется по комнате, рождая гуляющие по стенам уродливые тени. Слезы струятся по щекам, колени дрожат. Она едва держится на ногах, но ей придется дойти до конца, чтобы увидеть, что она натворила.

Желтый свет падает на фигуру, и она ахает. Фигура шевелится – жива. Она что, ошиблась? Неужели у нее еще есть шанс все исправить? Она бросается к постели, к волнующейся туше, что лежит на простынях, и, как только луч фонарика падает на тело, она пытается спросить, чем может помочь, что может сделать, но слова застревают в горле, и она отшатывается от кольишущейся массы. Рыдания подкатывают к горлу; она пытается понять, что именно она видит – прищепки для одежды, много прищепок, на носу, на ушах, на губах.

В ушах нарастает жужжание – мухи. Они кружат по комнате, садятся на раздутое, повернутое к ней лицо, оставляя после себя глянцевые личинки. Фонарик падает у нее из рук, и в комнате становится темно, хотя жужжание никуда не девается. Она кричит, машет руками над головой так, словно мухи атакуют ее саму, перепутав живую плоть с мертвой.

– Детектив Соланки! Вы в порядке?

Голос немного привел Джекки в чувство. Она поняла, что стоит, прикрыв голову руками, словно ее видение стало явью. Черт, ну почему воспоминания нахлынули именно сейчас? Она давно не появлялась на местах преступлений, и это в паре с шоком от того, что она увидела возвращение сталкера на записях с видеокamer, произвело на нее такой эффект. Стыдно, что ее застали в подобном состоянии. Последнее, чего ей хотелось, – чтобы коллеги распустили о ней слухи. И в который раз она прокляла посттравматический синдром.

Ну же, Джекки, соберись. Не давай слабину. Не здесь. Не на этом кровавом побоище и не сейчас, когда ты пытаешься вернуться к нормальной службе. Быстро вздохнув, чтобы успокоиться, она слабо улыбнулась молодому полицейскому.

– Спасибо, все в порядке, – произнесла она слегка дрожащим голосом. – Дайте мне минутку. Это... – она обвела кухню рукой, – уж слишком.

Судя по тому, как поморщился полицейский, она его не убедила. А себя? Она точно в порядке? Наверное, нет, раз уж она позволила себе дать волю воспоминаниям, раз она позволила прошлому ожить, пробраться ей в голову и заставить ее отбиваться от воображаемых мух. Но она никому в этом не признается. Джекки заставила себя остаться профессионалом. Не позволила опыту прошлого сбить ее с пути. Она же не ребенок.

Вместо того, чтобы оценивать все место преступления целиком, она сосредоточилась на телах. Головы Боба и Ширли, отделенные от туловищ, стояли на кипенно-белых тарелках на столе напротив их хозяев. Они глядели в сторону кухонной двери, почти как горгульи, охраняющие праздничный стол. Неужели убийца думал, что Иможден войдет в кухню и увидит родителей такими? Или он расставил головы именно так по другой причине? Порой действия убийц не имели никакого мотива, но в этом случае все казалось предумышленным и наталкивало на мысль, что месть была адресована лично Кларкам. Иможден ли или ее родителям, Джекки пока не знала. Было еще слишком рано делать далеко идущие выводы и радикальные предположения.

Она сконцентрировалась на работе, стеснение в груди и спазмы в животе исчезли; она все более уверялась, что преступление было призвано измучить и уничтожить Кларков. Но оставался один вопрос – оно было направлено против конкретно этой семьи или преступнику подошла бы любая? И, что еще важнее, кто станет следующей жертвой? Все в этом месте преступления так и кричало, что если они не поймают убийцу, скоро нечто подобное повторится. Такого рода ритуальные преступления редко бывали одиночными.

Джекки остановилась, обдумывая эту мысль. Это же не могло быть его первое убийство? Все указывало на отработанный навык, а не на дебют. Но тогда почему об убийце не было

известно раньше? Она попыталась припомнить, но не могла отыскать в памяти похожих преступлений, совершенных за последние несколько лет. Она решила обдумать это позже.

Обезглавливания встречались редко, и в таких местах, как Фолдхаус с его опрятными домиками, две подобные жертвы выглядели еще более пугающими. Но даже не это беспокоило ее больше всего. Было кое-что пострашнее, нечто заставившее Джекки окунуться в воспоминания – общая обстановка. Прищепки для одежды были прикреплены к носам, ушам, губам и пальцам жертв. Из ушей торчали кухонные принадлежности – деревянные ложки и китайские палочки, а изо рта свисали спагетти, которые преступник то ли принес с собой, то ли взял из холодильника. Множественные порезы – зияющие раны – покрывали тела, рядом с извлеченным у каждой из жертв глазом лежал нож для удаления яблочной сердцевины. Сцену венчала опрокинутая банка с перемешанной с кровью фасолью.

Все указывало на то, что убийца потратил на жертв много времени, наверное, и до, и после того, как он их убил. При виде фасоли у Джекки снова свело живот, и она чуть было не последовала за Куини прочь из дома. С самого детства она не могла есть фасоль. Один вид заставлял ее содрогнуться в рвотном позыве, а навязчиво-сладкий запах вызывал дурноту. Даже пройти мимо полка с фасолью в супермаркете уже было пыткой, хотя терапевт подначивала ее бороться с собой. Над бровями выступил пот, и Джекки заставила себя сосредоточиться.

Она отвела взгляд от оранжевой массы, но увидела нечто похуже – убийца оставил послания на лбу каждой из жертв. «Это тебе!» на миссис Кларк и «С днем рождения!» на мистере Кларке.

На долю секунды Джекки показалось, что эта сцена адресована ей лично, но разве такое может быть? В ее мозгу словно разжалась пружина, и мысли метнулись к человеку в черном с прямоугольным конвертом в руках – поздравительной открыткой – у двери ее собственного дома. Отмахнувшись от воспоминаний, она обдумала послание.

Наверняка оно предназначено дочери. Убийца знал, что Имоджен найдет своих родителей первой. И это выглядело совсем жутко.

И все же Джекки видела разлитую фасоль и прищепки. Она помотала головой и вздохнула. На ее вопрос была всего пара логичных ответов. Либо послания были адресованы Имоджен, либо полиции, а может, какому-то человеку, связанному с убийцей. Дань уважения или что-то вроде того? Может, вся эта инсталляция призвана напугать почтенную публику, которая, как только история просочится в прессу, именно так иотреагирует? Слова, написанные кровью, звучали зловеще и угрожающе, и Джекки стало жаль их дочь. Она по собственному опыту знала, что это событие изменит всю жизнь Имоджен Кларк. Разве может быть иначе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.